Беларусь становится все более геополитической

Евгений Прейгерман

Опубликовано в Eurasia Daily Monitor

Внешняя политика Беларуси до сих пор часто рассматривается в рамках нескольких популярных, но чрезвычайно упрощенных нарративов. Один из них классифицирует Беларусь как российский геополитический придаток и, таким образом, интерпретирует любое международное действие Минска как результат воли Кремля. Другой нарратив объясняет внешнюю политику страны исключительно одним фактором – спецификой политической системы Беларуси. То есть ставит внешнюю политику в полную зависимость от внутренней.

Эти нарративы могут казаться применимыми к отдельным ситуациям, но в целом они не позволяют понять логику действий Минска на международной арене. Как и в случае любой другой страны, вне зависимости от ее политической системы, основными факторами внешней политики и политики в области безопасности Беларуси являются ее геополитическое положение и относительная сила (то есть ее возможности в сравнении с другими странами). Поэтому главной структурной характеристикой Беларуси в системе международных отношений является то, что она расположена между двумя конфликтующими полюсами (Россией и Евросоюзом) и имеет с ними сильно ассиметричные отношения. Исходя из этого, чтобы сохранить собственный суверенитет, Минску необходимо держаться в стороне от геополитического противостояния и сохранять неконфронтационные отношения с обоими геополитическими полюсами.

Два недавних события ярко отразили эту внешнеполитическую логику Беларуси.

Прежде всего, в середине января президент Казахстана Нурсултан Назарбаев посетил США и сделал неожиданное заявление по итогам его дискуссии с Дональдом Трампом. По словам казахстанского лидера, в ходе встречи в Белом доме Трамп предложил перенести место проведения переговоров по кризису на Донбассе из Минска в Астану. И хотя очень маловероятно, что в сегодняшних условиях США могли инициировать такую дискуссию, власти Беларуси открыто

раскритиковали слова Назарбаева. Министр иностранных дел Владимир Макей с иронией отметил, что «переговоры по Украине можно перенести хоть в Антарктиду, если будет уверенность в их успехе». Президент Александр Лукашенко также негативно высказался по поводу слов своего казахстанского коллеги. В итоге посол Казахстана в Беларуси дал телевизионное интервью, в котором заверил, что слова Назарбаева ни в коем случае не были нацелены на то, чтобы навредить интересам Минска.

Многие СМИ объяснили такую реакции Беларуси тем, что Лукашенко не хочет терять лавры миротворца, которые помогли улучшить его международный имидж. И хотя любой политический деятель был бы безусловно рад иметь такие лавры, это объяснение является большим упрощением.

> Оно полностью искажает логику тех, кто принимает внешнеполитические решения в Беларуси. Чтобы это понять, достаточно проанализировать значение минской переговорной площадки для безопасности самой Беларуси.

Беларусь приняла у себя оба саммита – Минск-1 и Минск-2 – и является местом регулярных встреч Трехсторонней контактной группы. Это обстоятельство действительно дополнительно стимулировало потепление в отношениях Беларуси с ЕС и, в меньшей степени, США. Однако Беларусь не стала переговорной площадкой автоматически. Это произошло в результате того, что страна заняла нейтральную позицию по российско-украинскому конфликту. Таким образом, белорусский нейтралитет способствовал улучшению отношений с Западом, что в целом помогает Минску диверсифицировать и балансировать свою внешнюю политику.

При этом на фоне продолжающейся конфронтации между Россией и Западом Минску сегодня было бы все сложнее сохранять нейтралитет, если бы он утратил статус переговорной площадки. Перенос площадки автоматически лишал бы Беларусь основного аргумента, почему она не может присоединиться к России в антиукраинских и антизападных кампаниях, особенно по мере нарастания военно-политического напряжения. Другими словами, без статуса переговорной площадки и с учетом взаимных обязательств перед Москвой в военной сфере Минску было бы сложнее сказать Кремлю «нет», если бы он вновь поставил вопрос о российской авиабазе на белорусской территории.

Именно этот логический круг и объясняет, почему власти Беларуси так дорожат статусом переговорной площадки по кризису в Украине. В сегодняшних геополитических раскладах в регионе этот статус является единственным способом оставаться вне противостояния России и Запада. Тем самым он укрепляет безопасность Беларуси.

Второй примечательный эпизод случился в конце января, когда Александр Лукашенко принимал Еврокомиссара по европейской политике соседства и переговорам о расширении Йоханнеса Хана. В ходе встречи он подчеркнуто заявил о том, что Минск является «категорическим сторонником сильного ЕС».

Это уже не первый раз, когда белорусские официальные лица делают подобные заявления. Тем не менее, для многих комментаторов слова Лукашенко почему-то стали откровением. Некоторые из них сразу же заявили, что руководитель Беларуси не может быть заинтересован в сильном ЕС, так как последний имеет репутацию борца за демократию и поэтому угрожает власти Лукашенко. Соответственно, в рамках такой логики, единственным объяснением слов белорусского президента может быть то, что у него закончились деньги. Мол, он старается угодить европейцам, чтобы получить от них какую-то финансовую помощь.

> Это еще один пример непонимания структурных реалий и потребностей Беларуси в международных отношениях.

Как заявил сам Лукашенко, ЕС является «одной из мощнейших опор нашей планеты» и ее гипотетическое разрушение «приведет к разрушению системы не только безопасности, но и экономики и всех других сфер жизни на нашей планете». Фактически это объяснение содержит в себе описание классической логики малых государств, в том числе Беларуси. Чем больше у страны сильных партнеров, на которых она может опереться, тем больше пространства она имеет для маневра во внешней политике. Тем более гибкой может быть в своей международной деятельности.

Это простая формула работает для любого малого государства, находящегося в похожих геополитических условиях и вне зависимости от его внутриполитической системы. И нет причин, по которым Беларусь должна быть исключением. Более того, после крымского кризиса такая логика стала особенно органичной для внешней политики Беларуси.

Евгений Прейгерман
руководитель экспертной инициативы «Минский диалог»